

ГНИЛОЙ ЦЕННИК

ПРАВДА НЕ ВСЕГДА ЛЕЧИТ.
НО МОЛЧАНИЕ УБИВАЕТ.

18+

Алексей Петровка Гнилой ценник

<https://litres.ru/74372637>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жанна, палатная медсестра хосписа, замечает, что обезболивающее для пациентов палаты номер семь — подделка. Ампулы тёплые, пахнут ацетоном, а анализ показывает плацебо. Она хочет сообщить в полицию, но узнаёт: лекарства поставляет компания её сына Глеба. Глеб уверен, что покупает настоящее лекарство для своей матери, и не знает, что его обманул поставщик. Когда Жанна пытается разобраться, её начинают шантажировать, угрожая обнародовать её давнюю врачебную ошибку. Сможет ли она защитить сына, не предав собственную совесть? И кому на самом деле нужна правда, если она не меняет исхода?

Содержание

Тёплые ампулы	4
Смерть Веры Львовны	13
Паёк сына	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Петровка

Гнилой ценник

Тёплые ампулы

Ступени считает Жанна. Семнадцать до пролёта, потом шесть вниз, в подвал. Металлические, с дырками, как у клетки. Подошва скользит на второй — ступень сырая, хотя наверху август и духота. В кармане халата звенит ложка. Она не помнит, когда перестала снимать её на ночь.

Подвал встречает запахом хлорки и сырого бетона. Жанна щёлкает выключателем — лампочка мигает два раза, крысы в стене шуршат в ответ. Стеллажи вдоль стены: марля, капельницы, пачки с салфетками. Нужной коробки нет.

Вдоль стеллажей идёт Жанна, пальцем ведёт по ярлыкам. «Физраствор», «Натрий хлорид», «Противоэпилептические». Морфина нет. В конце ряда ещё один ящик, картонный, с пометкой «Перелешин — проверка 21.08». Внутри пенопласт, в нём гнезда под ампулы. Она берёт одну.

Тёплая. Не как остальные, из холодильника, а тёплая, словно её держали в кулаке. Жанна крутит ампулу под лампой. Буква «М» на стекле, ровная, типографская. Прозрачная жидкость до половины. Она подносит к носу — запах сладковатый, но так слабо, что сначала думает, что ей пока-

залось. Открывает вторую — та же тёплая гладкость, тот же слабый аромат.

— Нужно проверить, — говорит она вслух.

Голос тонет в шуршании крыс.

Жанна суёт три ампулы в карман халата, ложка звенит по стеклу. Она гасит свет, поднимается по лестнице. Наверху дверь в коридор приоткрыта. Кто-то проходит мимо — шаги лёгкие, Юля, наверное. Жанна ждёт, пока шаги стихнут.

Палата седьмая — третья по коридору. Вера Львовна лежит с открытыми глазами, смотрит в потолок. Над ней венок из сухих цветов — кто-то приносил, не знает уже, что нельзя. В палате пахнет лимонным полотенцем и ацетоном из-под раковины.

— Жанна, — говорит Вера Львовна. Голос треснувший, как стекло. — Болит. Сильно.

Жанна подходит к кровати, поправляет простыню. Та холодная, но руки у Веры Львовны теплее — жар. Слабый, но есть.

— Сейчас, — говорит Жанна. — Сейчас полегчает.

Она достаёт ампулу из кармана. Тёплое стекло льнёт к ладони. Жанна берёт ватный шарик, спирт, пилочку. Вскрывает ампулу — щелчок, шейка срезается ровно. Подносит к носу. Снова этот сладковатый запах — слабее, чем должен быть морфин. Резкий, щиплющий нос, у морфина такой, что забивает всё. А здесь — едва уловимая сладость.

Жанна набирает в шприц. Жидкость прозрачная, как во-

да. Она смотрит на шприц, потом на Веру Львовну.

— Укол будет, — говорит Жанна. — Потерпи.

— Ага, — Вера Львовна закрывает глаза. — Ты хорошая. Ты не как та.

Жанна сжимает шприц. Пальцы тёплые, как стекло ампулы. Она оттягивает кожу, вводит иглу. Медленно, аккуратно — вены у Веры Львовны тонкие, уже всё исчерчено. Вводит жидкость. Вытаскивает иглу, прижимает ватку.

— Всё.

Вера Львовна молчит. Жанна стоит, держит шприц в руках. Смотрит на часы — стрелка ползёт. Минута. Две.

— Болит, — говорит Вера Львовна. Слезы не текут, но голос дрожит. — Так же болит.

Жанна сжимает шприц, словно он может выдать что-то. Ничего не происходит. Ложка в кармане звенит.

— Это ничего, — говорит Жанна. — Сейчас подействует.

— Ага, — Вера Львовна поворачивается на бок, спиной к Жанне. — Ты всегда так говоришь.

Жанна смотрит на пустую ампулу. На ней буква «М». Тёплая, словно всё ещё в чужих руках. Она суёт ампулу в карман халата — рядом с ложкой. Стекло звенит о металл.

— Я приду позже, — говорит Жанна.

Вера Львовна не отвечает.

Жанна выходит в коридор. Дверь закрывается без щелчка. В коридоре полутьма, лампы приглушены — ночная смена. Пахнет лекарствами и чем-то сладким, приторным. Она идёт

к посту. В блокноте записи: «21:40 — Вера Львовна, морфин 1 мл». Она берёт ручку, пишет. Ровно, без раздумий.

Ручка оставляет чернила на бумаге — «морфин 1 мл». Пальцы не дрожат. Жанна закрывает блокнот и смотрит на свою запись. Буквы ровные, как у Юли. Она замечает, что дышит мелко, и заставляет себя сделать вдох глубже. Воздух в коридоре густой, с приторной сладостью — откуда она здесь, в отделении, где только хлорка и лекарства? Сладость липнет к нёбу, и Жанна облизывает губы. Металлический привкус от ложки, которую она сжимает в кармане.

У поста сидит Виталий Маркович. Он всегда сидит у поста по вечерам, когда не может спать. Карточный столик, раскрытый пасьянс. Он смотрит на Жанну, и его взгляд останавливается на кармане халата.

— Что в кармане? — спрашивает он.

— Ампула, — говорит Жанна.

Она не знает, зачем сказала правду. Может, потому что Виталий лучше всех слышал запахи. Проработал провизором сорок лет, до того как рак забрал его самого. Теперь он здесь, по ту сторону прилавка.

— Дай посмотреть, — говорит он.

Жанна не шевелится. Пальцы в кармане сжимают тёплую ампулу.

— Виталий Маркович, — говорит она. — Не нужно.

— Нужно. Ты же знаешь, я по запаху определяю. Видел твоё лицо, когда входила. Покажи.

Она достаёт ампулу. Кладёт на столик. Виталий берёт её, подносит к носу. Долго смотрит, крутит в пальцах. На свету жидкость колыхается, как вода. Он принюхивается снова.

— Сладкая, — говорит он. — Слабый, но сладкий запах. Не морфин. Морфин режет нос, так, что глаза слезятся. А это... это глюкоза с чем-то. Ваниль? Нет... но что-то сладкое.

Он ставит ампулу на столик. Смотрит на Жанну. Лицо у него морщинистое, тёмное от болезни. Он не улыбается.

— Кто дал?

— Не знаю, — говорит Жанна.

— Знаешь, что это значит?

— Знаю.

— Плацебо, — говорит Виталий. — Ей вкололи плацебо. А она умирает. Ты понимаешь? Это не лекарство. Это ложь.

Жанна протягивает руку и берёт ампулу. Та всё ещё тёплая. Она сжимает её. Тёплое стекло против ладони, словно кто-то держал её, прежде чем положить на место. Жанна забывает про дыхание. Слышит, как ложка в кармане звенит.

— Такая же была у неё. В прошлый раз, — говорит Виталий. — Когда вкалывали. Не помогала. Я думал, это время. А это не время. Это фальшивка.

Жанна смотрит на ампулу в своей руке. Стекло слегка мутное, на доньшке — микроцарапины, будто её грели в ладонях, прежде чем положить. Она проводит большим пальцем по букве «М», и та стирается.

— Сотрётся, — говорит Виталий. — Краска. Дешёвая.

— На всех ампулах так, — говорит Жанна.

— На морфине гравировка. Ты же знаешь. Не краска.

Жанна трёт букву сильнее. Краска поддаётся, сходит сухими чешуйками. Под ней — чистое стекло, гладкое, без следов гравировки. Она держит ампулу под лампой, и та блестит, как новая. Ложка в кармане звенит, и Жанна зажимает её пальцами, чтобы остановить дрожь.

— Подделка, — говорит Виталий. — Хорошая, но подделка. Кто-то взял ампулы, слил, наполнил. Кто в отделении имеет доступ к запасам?

Жанна перебирает в памяти имена. Сестра-хозяйка с ключами от склада. Старшая медсестра с её журналами. Юля — всегда на смене, когда пропажи случаются. Юля — аккуратная, тихая, ведёт учёт. Вспоминает, как месяц назад Юля принесла коробку с ампулами и сказала: «Из новой партии, проверила». Тогда Жанна не посмотрела на маркировку.

— Юля, — говорит она вслух.

— Юля? — Виталий качает головой. — Тихая девочка.

— Тихая, — говорит Жанна. — Ведёт журнал. Проверяет запасы.

— Ты уверена?

— Нет, — говорит Жанна. — Но больше никому.

Она слышит шаги — лёгкие, быстрые, по коридору. Юля, её сменщица. Юля идёт с подносом, на нём чашка и чайник. Поравнявшись с постом, она останавливается.

— Жанна Фёдоровна, — говорит Юля. — Вы ещё не ушли?

— Иду, — говорит Жанна.

— Рука дрожит, — говорит Юля. — Поспать бы вам.

Жанна сжимает ампулу в кармане. Тёплая. Она смотрит на Юлю — ровный бисерный почерк Юли всегда в журнале. Юля ведёт журнал. Юля аккуратно записывает всё. Жанна вспоминает, что Юля была при записи в прошлый раз, когда вкалывали старую ампулу. Вера Львовна кричала от боли, а Юля записывала.

— Не выдумывай, — говорит Жанна.

— Вы бледная, — говорит Юля.

— Это лампа.

Юля смотрит на неё, потом на Виталия. Виталий уставился в пасьянс, пальцы сжимают карту. Юля молча идёт дальше. Звон чашки в тишине коридора — как ложка в кармане.

Жанна стоит у поста. В руке — тёплая ампула. Она подносит её к носу: сладковатый запах, слабый. Не морфин. Не то, что вкололи. Она смотрит на ампулу. Буква «М» на стекле — ровная, типографская. Она трёт её пальцем, и краска снова сходит. Под ней чистое стекло, холодный блеск.

— Беда, — говорит Виталий. — Ты теперь знаешь то, что не должна.

— Если молчу, — говорит Жанна, — она будет мучиться. Если скажу — подозрение.

Виталий смотрит на неё. Он ничего не говорит, но в его

глазах — горечь. Он убирает карты со столика, тщательно, медленно, словно картами можно закрыть то, что он только что понюхал.

Жанна смотрит на свои руки. Пальцы всё ещё сжимают ампулу. Она кладёт её на столик перед собой, рядом с блоком. Стекло лежит на бумаге, и буква «М» смотрит в потолок. Жанна думает о том, что будет, если она промолчит. Вера Львовна будет лежать, смотреть в потолок, говорить «болит». Ампулы будут приходить, тёплые, с дешёвой краской. Она будет вкалывать их и говорить «сейчас полегчает». А если она скажет — кому? Заведующему, который не любит проверки? Старшей сестре, которая подписывает акты? Юле, которая молча улыбается и уходит?

Жанна переводит взгляд на палату Веры Львовны. Дверь закрыта, но слышно, как та дышит — хрипло, с усилием. Жанна стоит, прижавшись лбом к косяку. Ложка в кармане звенит, но она не достаёт её. Не нужно. Она знает, что делает.

Она возвращается к посту, открывает журнал, находит запись за прошлый вторник. «Вера Львовна, морфин 1 мл, 22:10». Подпись — Юля, ровная, аккуратная. Жанна проводит пальцем по строчке. Чернила не расплылись, бумага чистая. Юля писала в перчатках, как всегда, когда ставила укол. Жанна вспоминает, что в прошлый вторник у Юли была температура и она отпросилась пораньше. Но запись есть. Кто-то дописал после неё.

— Виталий Маркович, — говорит Жанна. — Кто ещё мог

взять ключи от склада?

— Ключи висят у старшей сестры, — говорит Виталий. — Она их не прячет.

Жанна смотрит на пустую ампулу. Та лежит на столике, тёплая, с потёртой буквой «М». Жанна поднимает её и снова подносит к носу. Сладкий запах стал слабее, но не исчез. Она суёт ампулу в карман халата. Проходит мимо палаты Веры Львовны, не останавливаясь. В конце коридора — лестница. Шесть ступеней вверх, потом семнадцать до площадки. Наверху — дверь на улицу. Август, духота, ночь.

Жанна стоит в дверях. В руке — тёплая ампула. Она сжимает её, и стекло греется от пальцев, словно вбирает их тепло, но она уже знает: это не сила. Это чужой след. Запах сладкий, тёплый, словно всё ещё в чужих руках, уже записан в память её ладони. Она разжимает пальцы. Ампула падает в карман, звенит о ложку. Жанна делает шаг в ночь, и дверь за ней закрывается без щелчка.

Смерть Веры Львовны

Жанна возвращается в здание, когда небо начинает се-
реть. Каблуки шаркают по ступеням. Она считает: шесть
вверх, семнадцать до площадки. Дверь на пост открыта.
Внутри горит одна лампа, Юлия сидит спиной к входу, скло-
нившись над журналом.

Она проходит мимо, не здороваясь. Юлия поднимает го-
лову.

— Ты рано. Смена в шесть.

Жанна трёт переносицу.

— Вера Львовна.

— Что с ней?

— Дышит плохо.

Юлия отводит взгляд. Её рука сжимает ручку, но не пи-
шет.

Жанна идёт в седьмую палату. В коридоре темно, толь-
ко дежурный светильник жужжит над табличкой. Она толка-
ет дверь. Вера Львовна лежит на спине, руки поверх одея-
ла. Глаза закрыты. Грудная клетка поднимается редко, с па-
узами, которые слишком длинные. Жанна подходит ближе.
Пахнет влажной ветошью и спиртом. Она трогает запястье
пациентки. Пульс — нитка, тонкая, рвётся.

Жанна берёт стул, ставит у кровати. Садится. Из кармана
халата звякает ложка. Она сжимает её в кулаке. Металл тёп-

лый, как ампула.

Вера Львовна открывает глаза. Белки желтоватые, в красных прожилках.

— Жанна.

— Я здесь.

— Больно.

Жанна смотрит на капельницу. Морфин из флакона — новый, с ровной буквой «М». Она вводила его два часа назад. Боль не ушла.

— Ещё укол?

Вера Львовна качает головой. Движение слабое, как у тряпичной куклы.

— Не нужно.

Жанна молчит. Она слышит шорох за стеной. Крысы. Или трубы. Или что-то ещё.

Вера Львовна смотрит на неё, щурится, будто узнаёт.

— Она всё видела.

Жанна наклоняется ближе.

— Кто?

Вера Львовна поднимает руку, показывает на простыню у своего бока. Жанна смотрит. Простыня бледно-жёлтая, в складках. На ней — пятно. Не тёмное, не мокрое. Будто выдавленное, с обведённым контуром, как школьная клякса. Буква «Г». Чёткая, с завитком.

Жанна хочет спросить, но Вера Львовна закрывает глаза. Грудная клетка замирает. Один удар, второй. Потом тишина.

Жанна хватает её за плечи.

— Вера Львовна.

Нет ответа. Жанна щупает пульс. Пусто. Она тянется к кнопке вызова, но палец замирает. Она смотрит на простыню. Буква «Г» будто слегка проступает сильнее при тусклом свете.

Дверь открывается. Глеб стоит в проёме. Белые кожаные ботинки блестят под светильником. Металлический носок отражает лампу.

— Я пришёл к матери. Она просила принести документы.

Жанна не двигается. Глеб смотрит на кровать, на её руки на плечах пациентки. Его лицо ничего не выражает.

— Она умерла? — спрашивает он спокойно.

Жанна кивает. Глеб поправляет часы на запястье — браслет щёлкает, как затвор.

— Надо вызвать врача. Полагается по протоколу.

Жанна не отвечает. Она смотрит на простыню. Глеб переводит взгляд туда же. Он видит букву. Секунда — и он снова смотрит на Жанну.

— Я вызову врача, — говорит он. — Вы подождите.

Он выходит. Дверь закрывается с мягким щелчком.

Жанна накрывает тело Веры Львовны одеялом. Руки двигаются сами: подтыкает края, приглаживает складки. Она не знает, делает ли это для пациентки или для себя. Пальцы слегка касаются простыни. Буква «Г» не стирается. Не пахнет, не липнет. Будто выжжена.

Когда Глеб возвращается с врачом, Жанна стоит у окна, спиной к кровати. Врач констатирует смерть. Время — 5:27. Глеб говорит:

— Я подготовлю документы. Остальное не ваша забота.

Жанна не оборачивается. Она смотрит на стекло, на своё отражение. Пальцы сжимают ложку в кармане.

Врач и Глеб выходят. Жанна остаётся. Она берёт простыню за угол, стягивает её с кровати, складывает вчетверо. Буква «Г» остаётся внутри. Она суёт простыню в карман халата. Там уже лежит ложка, ампула. Всё вместе звенит, когда она идёт к двери.

В коридоре Марта стоит у поста. В руках — блокнот. Она смотрит на Жанну холодно.

— Вера Львовна?

— Умерла. 5:27.

— Почему не позвала раньше?

Жанна трет переносицу.

— Она угасла за минуту.

Марта делает запись в блокноте. Ручка скрипит.

— Инспекция приходит в четверг. Нужно, чтобы записи были ровные.

Жанна молчит.

— Ты слышишь? — говорит Марта.

— Слышим.

Марта поднимает глаза.

— Юлия подготовит акт. Ты подпишешь.

Жанна проходит мимо неё. В кармане простыня шуршит о халат. Ложка звякает о стекло ампулы.

На посту Юлия сидит за столом. Перед ней — открытый журнал. Она что-то пишет, бисерным почерком. Когда Жанна входит, Юлия поднимает голову. Её лицо бледное, под глазами круги.

— Она умерла? — спрашивает Юлия шёпотом.

Жанна кивает. Она подходит к столу, смотрит в журнал. На странице — записи о партиях морфина. Даты, номера, подписи. Юлия водит ручкой по одной строке. Жанна видит, что дата сегодняшняя, партия — та же, из которой она взяла флаконы.

— Юлия.

— Что?

— Откуда эта партия?

Юлия накрывает страницу ладонью.

— Марта распределила. Я не знаю.

Жанна протягивает руку, но Юлия сжимает ладонь плотнее.

— Не нужно, — говорит Юлия. — Пожалуйста.

— Открой.

— Если я открою, будет плохо.

Жанна смотрит на неё. Юлия прячет взгляд. Она смотрит на светильник, потом на свои руки, потом в стену. Она говорит тихо:

— Эта партия пришла неделю назад. Марта сказала, что

морфин заменили. Новая формула. Слабее.

— Плацебо.

Юлия вздрагивает.

— Я не говорила.

— Ты сказала.

Жанна берёт её за запястье, отводит руку. Страница открыта. Запись о партии. Рядом — приписка, зачёркнутая одной тонкой линией. Жанна наклоняется, читает: «Замена препарата. Причина: несоответствие запросу». Подпись — Марта Гоулд.

Жанна достаёт телефон. Щёлкает затвор. Страница ложится в память.

Юлия сжимает губы.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает она.

— Нужно.

Жанна убирает телефон в карман. Юлия смотрит на дверь. В проходе — никого.

— Марта получила указание списать ампулы, — шепчет Юлия. — Поставщик сказал, что это ошибка. Партия пойдёт на перепроверку. Но они не спешат.

Жанна молчит. Она трет переносицу.

— Откуда ты знаешь?

Юлия качает головой.

— Я слышала разговор. Марта звонила кому-то. Говорила «план сработал» и «теперь Бронская не отвертится».

Жанна смотрит на неё.

— Что ещё?

Юлия поднимает глаза. В них что-то дрожит, она отводит взгляд. Она говорит:

— Марта знала, что Вере Львовне колют слабый раствор. Она ждала этого.

Жанна стоит неподвижно. В кармане ложка звенит, когда рука сжимается.

— Минимум пять ампул ушло за неделю, — добавляет Юлия. — Я вела учёт. Марта переписала его.

Из коридора доносится телефонный звонок. Юлия вздрагивает, смотрит на дверь. Жанна выходит.

Марта стоит у поста, держит трубку. Она говорит тихо, но Жанна слышит обрывки:

— ...да, она была в палате. Нет, не знает. Пусть не лезет. Я решила.

Марта замечает Жанну и замолкает. Кладёт трубку. Смотрит на неё ледяным взглядом.

— Ты одна на посту, — говорит Марта. — Юлия пойдёт на обход.

Жанна кивает. Марта проходит мимо, касаясь её плеча, словно невзначай. От неё пахнет лекарствами и сухими духами.

В палате седьмой — тишина. Тело уже унесли. Кровать пустая, матрас голый. Жанна стоит в дверях. Простыня, которую она взяла, теплеет в кармане, но это не её тепло. Она достаёт её, разворачивает. Буква «Г» на бледно-жёлтом фо-

не не двигается, не тает, не исчезает.

Глеб выходит из комнаты персонала. Он видит простыню в её руках. Его взгляд цепляется за букву. Он поправляет часы — браслет щёлкает дважды.

— Это моя мать? — спрашивает он.

— Твоя мать приходила к Вере Львовне? — говорит Жанна.

Глеб молчит. Он смотрит на букву, и его кадык дёргается.

— Вы знаете, что она умерла? — продолжает Жанна.

— Да. Я подготовил бумаги. Поставщик уже уведомлён.

Он делает шаг ближе, смотрит на букву. Его палец тянется к ней, но останавливается в воздухе.

— Её простыня?

Жанна складывает ткань, прячет обратно в карман.

— Зачем вы её взяли? — спрашивает Глеб.

Жанна трет переносицу.

— Нужно.

Глеб смотрит на неё без выражения. Он поправляет часы ещё раз. Браслет щёлкает, как затвор.

— У моей матери было письмо, — говорит он. — Она показывала его Вере Львовне.

Жанна замирает.

— Какое письмо?

Глеб смотрит в сторону поста. Марта стоит там, спиной к ним, разговаривает с кем-то по телефону.

— От поставщика. С подписью вашей главной. Марта по-

лучила его две недели назад.

Жанна сжимает простыню в кармане.

— Откуда вы знаете?

— Мать рассказала. Она была доверенным лицом. Ей Марта дала копию.

Жанна смотрит на него. Глеб не отводит взгляд. Он выглядит старше, чем в прошлый раз. Под глазами — серые тени.

— Где копия? — спрашивает Жанна.

Глеб достаёт из внутреннего кармана пиджака сложенный лист. Бумага тонкая, с заломом. Он протягивает его Жанне.

— Возьмите. Мне она больше не нужна.

Жанна берёт лист. Разворачивает. Наверху — шапка: «ООО „МедСнаб-Регион“». Внизу — перечень препаратов. Морфин, партия № 442-Б, дата поставки. И приписка от руки, синими чернилами: «Согласовано. Замена в связи с особыми условиями». Подпись — Марта Гоулд.

Жанна смотрит на букву «Г» на простыне. Потом на подпись в письме. Завиток на «Г» совпадает. Чёткий, с хвостиком вниз.

— Она знала, — говорит Жанна тихо.

Глеб поправляет часы.

— Знала.

— И Вера Львовна это видела.

Глеб молчит. Он переводит взгляд на пустую кровать.

— Мать показала ей письмо за день до того, как Вера Львовна потеряла сознание.

Жанна сжимает лист в руке.

— Зачем?

— Не знаю. Может, хотела её предупредить. Или напугать.

Он смотрит на Жанну.

— Моя мать умерла три дня назад. Инфаркт. Скорую вызвали слишком поздно.

Жанна стоит неподвижно. Вокруг — тишина, только светильник жужжит.

— Её звали Маргарита Гоулд, — говорит Глеб. — Наша главная — её сестра.

Жанна смотрит на него.

— Марта — ваша тётя?

Глеб кивает.

— Я здесь не просто так, — говорит он. — Я слежу, чтобы её записи были ровными.

Он поправляет часы.

— Если вы пойдёте против неё, бумаги будут против вас.

Жанна берёт лист, складывает, прячет в карман вместе с простынёй.

— Я выхожу из палаты. В коридоре её нагоняет Марта.

— Жанна.

Она оборачивается.

Марта держит в руках журнал — тот самый, из которого Юлия показывала страницу.

— Я проверила записи. Партия морфина за эту неделю —

без отклонений. Всё сходится.

Жанна смотрит на её руки. Марта перекладывает журнал под мышку.

— Если бы ты видела какие-то несоответствия, — говорит Марта, — лучше сообщить мне. Не в прокуратуру.

Жанна молчит. В кармане лист шуршит. Марта смотрит на карман, потом на Жанну.

— Ты что-то взяла?

— Простыню.

Марта щурится.

— Зачем?

— Нужно.

Марта делает шаг ближе. Её духи — сухие, как пыль.

— Отдай.

Жанна не двигается. Марта смотрит на неё. Потом на Глеба, который стоит у стены, поправляя часы.

— Вы знакомы? — спрашивает Марта.

— Мы говорили, — отвечает Глеб.

Марта переводит взгляд с одного на другого. Её пальцы сжимают журнал.

— Странно, — говорит она. — Глеб обычно не разговаривает с персоналом.

Глеб пожимает плечами.

— У неё были вопросы.

Марта смотрит на Жанну. В её глазах — что-то холодное, твёрдое.

— Вопросы о чём?

Жанна достаёт телефон, смотрит на фотографию. Запись на месте. Пока на месте.

— О поставках, — говорит она.

Марта молчит. Она смотрит на Глеба. Тот отводит взгляд.

— Вот как, — говорит Марта.

Она проходит мимо Жанны, в сторону седьмой палаты. Дверь закрывается за ней с мягким щелчком.

Жанна достаёт простыню из кармана, разворачивает. Буква «Г» — с хвостиком вниз, как в подписи. Она смотрит на неё, потом на лист от Глеба. Совпадает. Завиток, нажим, изгиб. Не случайное совпадение.

Она убирает всё обратно. В кармане — простыня, лист, ложка, ампула. Всё вместе звенит, когда она идёт к выходу.

На улице серое утро, август, жара. Она достаёт телефон, набирает номер. Долгие гудки. На третьем — ответ.

— Виталий, — говорит Жанна тихо. — У нас есть запись. И письмо с подписью. Теперь она не отвертится.

Она смотрит на здание. В окне седьмой палаты — силуэт Марты. Она смотрит вниз, на Жанну, и не отворачивается.

Жанна убирает телефон. В кармане простыня шуршит. Она идёт к машине, и буква «Г» давит на бедро, как заноза.

Паёк сына

Жанна стоит у машины, сжимая в кулаке ампулу. Стекло тёплое, словно его только что держали в чужих пальцах. Жанна видит, как Глеб выходит из хосписа, поправляя ремень сумки. Белые ботинки с металлическим носком ступают по асфальту, каждый шаг отдаёт глухим стуком, точно он несёт что-то тяжёлое.

— Глеб. Сынок. Стой.

Он оборачивается. Часы на запястье щёлкают — сигнал. Смотрит на неё с лёгким прищуром, как на назойливую просительницу у входа в офис.

— Жанна Валерьевна, я спешу. Оптимально было бы обсудить всё в рабочее время.

Жанна подходит ближе. В кармане халата — ампула, простыня, лист с подписью. Всё вместе давит на бедро, как чужой груз, который не снять.

— Морфий. Тот, что мы вкололи Вере Львовне. Он поддельный.

Глеб останавливается. Часы снова щёлкают. Он смотрит на неё — терпеливое объяснение, как для ребёнка, который не понял урока.

— Мы поставляем только сертифицированные препараты. Каждая партия проходит контроль. Если бы была проблема, я бы знал.

Жанна разжимает кулак. Ампула лежит на ладони, буква «М» стёрта до бледного следа, словно её тёрли пальцем.

— Эта — от вашей компании. Смотри.

Она подносит ампулу к его глазам. Глеб смотрит, не беря в руки. Металлический носок ботинка скребёт асфальт, точно он хочет развернуться, но не позволяет себе.

— Краска потёрлась. Это не показатель подделки. У нас есть документы, анализы. Могу показать.

— Покажи.

Он молчит. Часы щёлкают — ещё сигнал. Смотрит на телефон в своей руке, потом на неё.

— Я разберусь. Если есть проблема — мы компенсируем, если подтвердится.

Жанна трёт переносицу. Пальцы пахнут лимоном и ацетоном. Убирает ампулу в карман, и ложка звенит о стекло.

— Глеб. Ты слышишь меня? Это не вопрос денег. Это смерть Веры Львовны. Ей вкололи плацебо вместо обезболивающего.

Он смотрит на неё долго. Потом переводит взгляд на здание хосписа, на окно седьмой палаты, где в тёмном проёме стоит силуэт Марты. Не отворачивается, но пальцы сжимают телефон.

— Я проверю. Дам ответ до конца дня.

— Проверь. Но у меня есть доказательства. Запись разговора. Письмо с подписью.

Глеб поднимает бровь. Часы щёлкают.

— Вы записали разговор?

Жанна достаёт телефон. Экран светится, красная точка мигает. Поворачивает экран к нему.

— Отправлено Виталию. Три минуты назад. Если ты не разберёшься — разберётся он.

Глеб смотрит на экран. Челюсть сжимается, но он не двигается. Потом кивает.

— Я разберусь.

Он поворачивается и идёт к машине — тёмному седану. Жанна смотрит ему вслед. В кармане простыня шуршит, Г-образная метка на простыне жжёт бедро, как напоминание о долге. Слышит, как он открывает дверь, садится. Потом — голос, глухой, сквозь стекло:

— У нас проблема.

Стекло машины поднимается, и Жанна остаётся одна. Она выдыхает, но воздух застревает где-то в груди. В кармане ложка лежит холодная, неподвижная.

Глеб захлопывает дверь кабинета. В руке — коробка с ампулами, та самая партия, что ушла в хоспис на этой неделе. Ставит её на стол, открывает крышку. Стекло блестит, ампулы лежат ровными рядами, как солдаты. Берёт одну, поворачивает к свету.

Буква «М» на этикетке. Краска бледная, как будто её вытирали. Трёт пальцем — на подушечке остаётся тёмный след. Запах — сладковатый, липнет к нёбу, точно в ампуле

сироп, а не лекарство.

Телефон вибрирует. Номер поставщика. Принимает.

— Перелешин. Хочу довести до вашего сведения: партия, которую вы отгрузили на этой неделе, вызывает вопросы.

Голос в трубке — низкий, спокойный, как у человека, который привык, что ему не перечат.

— Глеб Аркадьевич, рад вас слышать. Мы получили вашу заявку на проверку. Всё в порядке, могу заверить.

— В порядке? Я держу в руках ампулу, у которой стирается маркировка. Это не соответствует стандартам.

Пауза. Потом голос становится тише, почти ласковым.

— Глеб Аркадьевич. Вы помните, что у нас есть общая история? Та закупка для городской больницы, три года назад.

Глеб замирает. Часы на запястье щёлкают — он не смотрит на них.

— Это не связано.

— Всё связано, Глеб Аркадьевич. Если вы поднимете шум — у нас может найтись документ, который вам не понравится. Про компенсацию. С вашей подписью.

Глеб молчит. В трубке — тишина. Слышит, как поставщик дышит, ровно и спокойно.

— Я хочу довести до вашего сведения, — повторяет Глеб, но голос его звучит иначе. — Мы разберёмся.

— Умное решение. Партия уже оплачена. Возврат не предусмотрен. Всего доброго.

Гудки. Глеб убирает телефон в карман. Смотрит на ко-

робку. Потом хватает её и швыряет об пол. Стекло звенит, осколки разлетаются по линолеуму, ампулы катятся, как белые жуки.

Стоит, дыша тяжело. В углу, возле плинтуса — ампула, которая не разбилась. Лежит отдельно, и на её этикетке — не «М». Другая буква. «Г».

Наклоняется, берёт её в руки. На этикетке — метка, похожая на закорючку в конце подписи. Такая же, как на простыне, что Жанна носит в кармане. Смотрит на неё долго. В голове — холодная мысль, которую он не хочет произносить вслух.

Достаёт телефон, набирает номер. Слушает гудки. Потом голос медсестры на том конце:

— Хоспис, седьмой пост.

— Это Перелешин. Соедините с Мартой.

Ждёт, сжимая ампулу в кулаке. Стекло тёплое, точно его держали в чужих пальцах. В трубке — щелчок, потом голос Марты, низкий, с хрипотцой:

— Слушаю.

— Ты знала. Знала, что партия не та.

Пауза. В трубке шорох, словно Марта отодвигает стул. Или закрывает дверь.

— Глеб Аркадьевич, я не понимаю, о чём вы.

— Ты поняла. Ты подписывала накладную, ты видела маркировку. Ты в курсе.

Марта молчит. Потом говорит тихо, и в её голосе — неж-

ность, от которой Глебу становится скверно:

— Я в курсе, что у Веры Львовны был рак четвёртой стадии. Я в курсе, что ей оставалось две недели. И я в курсе, что вы прислали ей плацебо. Но я не в курсе, почему ты звонишь мне, а не в прокуратуру.

Глеб сжимает ампулу. Стекло трещит под пальцами, но не ломается.

— Марта. Это не для прокуратуры. У меня есть документ, который связывает меня с этой партией. И если он всплывёт — я сяду.

— А если не сядешь — ты сядешь в другое место. Вера Львовна всю ночь не спала. Она звала мать. Ей было больно так, что она грызла подушку. Ты знаешь, что такое видеть, как человек грызёт подушку?

Глеб молчит. В ухе — дыхание Марты, ровное, как у врача, который говорит диагноз.

— Я не могу вернуть её. Но я могу сделать так, чтобы эта партия не ушла дальше. Хосписа больше не получит ни одной ампулы.

— А кто получит? — Голос Марты почти шёпот. — Ты знаешь, сколько ещё больниц берут у вас препараты? Ты один держишь эту ниточку. Порвёшь — она упадёт в мусорку.

Глеб смотрит на ампулу. Метка «Г» — закорючка, как в подписи. Он трогает её пальцем, и краска слезает, оставляя бледный след.

— Я не могу вернуть её, — повторяет он, и слова падают, как осколки. — Но я могу сделать так, чтобы эта партия не ушла дальше. Хосписа больше не получит ни одной ампулы.

— А кто получит? — Голос Марты почти шёпот. — Ты знаешь, сколько ещё больниц берут у вас препараты? Ты один держишь эту ниточку. Порвёшь — она упадёт в мусорку.

— Я потяну. У меня есть рычаг.

— Рычаг? — Марта усмехается, но в усмешке — трещина. — Ты думаешь, поставщик боится твоих документов? У них на каждом углу по такому, как ты. Они просто выбрали тебя, потому что ты удобный. Ты закрывал глаза на мелочи, и они это знают.

Глеб сжимает ампулу так, что стекло трещит. Капли жидкости выступают на пальцах, липкие, сладковатые.

— Я не закрывал глаза. Я проверял.

— Ты проверял бумаги. А надо было проверять ампулы. Вера Львовна их не проверяла. Она просто доверяла.

Глеб молчит. В трубке — тишина, потом Марта говорит тихо:

— Я подпишу всё, что ты попросишь. Но не ради тебя. Ради Веры Львовны. И потому что если это всплывёт — хоспис закроют, а пациентов развезут по районным больницам, где им гарантируют то же самое. Просто дешевле.

— Я понимаю.

— Ты понимаешь? — Марта вздыхает, и в этом выдохе —

усталость, которая не уходит. — Глеб. Ты не понимаешь. Ты видишь цифры и маркировки. А я вижу, как человек умирает с плацебо в вене. Это разные вещи.

Глеб смотрит на ампулу в руке. Капли жидкости стекают по пальцам, липкие, сладковатые. Он кладёт её на стол, достаёт платок, вытирает руки.

— Я приеду завтра. Привезу документы. Ты подпишешь. И мы вместе решим, что делать с остальной партией.

— Решим. — Марта повторяет, и в её голосе — не вопрос, а эхо. — Мы решим. Как решали, когда я подписывала накладную на эту партию. Как решали, когда ты сказал, что всё чисто.

— Марта.

— Не надо. — Она обрывает. — Завтра. Приезжай. Я буду на месте. Только не привози мне цветы. Вера Львовна их любила. А я теперь не могу на них смотреть.

Гудки. Глеб убирает телефон. Ампула лежит на столе, блестит под лампой. Метка «Г» — закорючка, как в подписи. Он смотрит на неё, и в голове — холодная мысль, которую он не хочет произносить вслух.

Он достаёт телефон, набирает номер. Слушает гудки. Потом голос медсестры на том конце:

— Хоспис, седьмой пост.

— Это Перелешин. Соедините с Мартой.

Ждёт, сжимая ампулу в кулаке. Стекло тёплое, точно его держали в чужих пальцах. В трубке — щелчок, потом голос

Марты, низкий, с хрипотцой:

— Слушаю.

Глеб открывает рот, но слова не приходят. Он смотрит на ампулу, на метку, которая слезает под пальцами. И голос Марты повторяется в ушах: «Ты не понимаешь». Он сжимает стекло, и оно трескается, оставляя на ладони липкий след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.